

ГРѢХЪ.

Въ вотчинной конторѣ главный прикащикъ сидѣлъ на свое мѣстѣ, на высокомъ кругломъ табуретѣ передъ высокою конторкою; вокругъ человѣка два побрякивали счетами, а въ передней половинѣ комнаты, отдѣленной перильцами, стояли нѣсколько крестьянъ. Они подходили поочередно, кланялись, клали передъ главнымъ прикащикомъ нѣсколько раскрытыхъ ассигнацій и, если дѣло было въ порядкѣ, по знаку его, молча либо со вздохомъ удалялись. Кому счастье послужило и оброкъ быль выработанъ съ избыткомъ, тотъ быль и съ виду повеселѣе, потряхивалъ головой и разводилъ кудри руками; иной же бѣднякъ вздыхалъ и сопѣлъ и поворачивался, будто нехотя, когда приходилось туго, либо надо было просить на одну часть оброка отсрочки. Прикащикъ обращался хорошо и довольно ласково съ людьми, и кто вносилъ болѣе

половины за полгода и представляль дѣльныя причины, тому онъ, при надлежащихъ наставленіяхъ, даваль отсрочку. Низко кланяясь и благодаря Ивана Тимоѳеича за милость и льготу, тотъ уходилъ съ отсрочкой своей домой.

Наконецъ прикащикъ обратился къ крестьянину, который стояль поодаль въ углу, держаль шапку передъ собою въ опущенныхъ рукахъ, глядѣль въ землю и во все время даже ни разу не почесался. Крестьянинъ этотъ не задолго передъ симъ отвѣчалъ прикащику:

- Нѣтъ у меня ни гроша, батюшка Иванъ Тимоѳеичъ, власть ваша.

Иванъ Тимоѳеичъ тогда поглядѣль на него только искоса и продолжалъ разсчитываться съ другими; теперь же онъ, положивъ оба локтя на contadorку, опять посмотрѣль на мужика попристальнѣе и сказалъ:

- Осипъ! что жь это будеть съ тобой? шутишь ты, что ли?

- Не шутки на умѣ, батюшка, отвѣчалъ тотъ: - такая задача задалась, что хоть ты

что хошь дѣлай. Извѣстно, батюшка Иванъ Тимоѳеичъ, ваше дѣло правое; на васъ нашему брату жаловаться нечего, да и на господъ плакаться грѣшно: милуете и жалуете, а свое, что слѣдуетъ, внеси; на то тягло держишь, на то землю пашешь. Что угодно, то и дѣлайте, и отсрочки просить больше не стану - что нонѣ, что завтра, что черезъ годъ - знать ужъ все одно, мнѣ заплатить нечѣмъ; такъ задалось.

- Да отчего же такъ, Осипъ, отчего же другіе платять и не жалуются, что оброкъ великъ, а говорятъ, что по силамъ?

- И я, батюшка, не жалуюсь, благодаримъ господъ своихъ и васъ: оброкъ нечего Бога гнѣвить, не то, чтобы больно великъ; да, виши, какъ нѣть его и воротился съ пустыми руками, такъ что станешь дѣлать? Не велика вещь вчерашній день: дней у Бога впереди много, да ужъ не забудешь его, хоть надорвись. Сами вы изволите знать, что замной ни пьянства, ни другаго какого художества нѣть; да, видно, такое есть попущеніе Божіе, такъ задалось.

- Плохо будетъ тебѣ, Осипъ: другой срокъ упускаешь и все не исправенъ. Я ужъ не знаю, что съ тобой и дѣлать стану; а потачки тебѣ нельзя дать, ужъ и ради другихъ.

- Обѣ этомъ кто говорить, Иванъ Тимоѳеичъ, это извѣстное дѣло, что нельзя: вы поноровите одному, а они всѣ откажутся, пожалуй, съ половины мужиковъ не сберешь оброку.

- Такъ хоть растолкуй мнѣ, какая жь была тебѣ задача? Годъ ходилъ, руки работящіе есть: отчего жь ты ничего не принесъ?

- А вотъ, батюшка, отчего: пришелъ я на мѣсто ни съ чѣмъ, таки вотъ черезъ силу дотянулся; а въ Питерѣ, извѣстно, омуть: какъ ввалился въ рогатку, такъ и доставай мошну: билетъ выправить, больничные, да пошлины, да за прописку - а ъсть надо, на гривенникъ одного хлѣба на день мало - ну и идешь къ кому ни попало, таки живьемъ въ руки разбойнику и отдаешься: только слава, что подрядчикъ, а христіанской души въ немъ нѣтъ. Ну,

работаль я недѣли съ три, а тамъ схватило меня что-то, заболѣль; пролежаль и не долго, да подрядчикъ все въ прогулъ ставить, вычету полагаетъ по цѣлковому на день. Легкое дѣло цѣлковый! Отдать-то его не мудрость, да поди-ка, заработай его! Тутъ, только что вышелъ изъ больницы, другая бѣда прилучилась, такъ вотъ ровно съ неба за грѣхи свалилась: сталъ, то есть сдѣлался прикосновеннымъ - и Богъ знаетъ за что; а затащали было и пропалъ было совсѣмъ: раздавили на улицѣ человѣка, наѣхала карета, сшибла его и подъ колеса. Онъ лежить, а тутъ бой такой, не по здѣшнему, карета за каретой, стукъ, крикъ - того гляди раздавять лежачаго вовсе, а еще онъ, можетъ статься, живъ. Я подскочилъ, ухватиль его подъ руки и оттащилъ къ краю; то есть, по тамошнему, плитуваръ называется, гдѣ ходять пѣши; набѣжали эти городовые взяли его, да и меня туда же. Я проситься у нихъ: за что, моль, меня-то? Тамъ, говорять, разберуть все, а намъ тебя, по прикосновенности, отпустить нельзя: пойдемъ и ни толкуй.

Привели, да и увязили меня въ такое мѣсто, что не дай Богъ ни другу, ни недругу. Сижу я недѣлю, сижу другую, денегъ со мной нѣть ни гроша - хоть пропадай! Наконецъ черезъ великую силу упросилъ я, чтобъ хоть послали обо мнѣ вѣсть подрядчику: авось, хоть онъ не вступится ли. Подрядчикъ пришелъ, выкупилъ меня у писаря. Я взмолился ему, какъ вотъ отцу родному; работалъ все лѣто, пришло дѣло къ разсчету - съ костей да на кости - онъ насчиталъ еще рублевъ семь на меня! Какъ, моль, такъ? побойся ты Бога! - Да вотъ какъ: вотъ, моль, что слѣдуетъ тебѣ за лѣто; вотъ сколько вычтутъ за прогулъ, когда былъ боленъ, а вотъ сколько, какъ сидѣлъ въ сибиркѣ; да вотъ еще выкупу за тебя дано. Гляди, что осталось: вотъ, семи рублей не хватаетъ.

Поплакался я на обиду да пошелъ къ другому подрядчику: авось-де не посчастливится ль получше. Такъ старый подрядчикъ не отпускаетъ, не отдаетъ паспорта; принужденъ занять у новаго деньги да расплатиться: вотъ и заработалъ.

А тутъ еще опять-таки за прописку, да то, да сё, такъ я опять въ долгу, какъ въ репью. Ну, авось, Богъ милостивъ, отработаемъ, что нибудь заслужимъ; благословясь, пошелъ опять снова. Проходитъ мѣсяцъ, другой, третій, что-то подрядчикъ нашъ больно плохо дѣлается, все отнѣкивается, какъ придется дѣло къ разсчету, все, говорить, послѣ, а выдается, кому ужъ больно нужно, по гривнамъ да по копѣйкамъ. Мы потолковали промежъ собой - какъ быть? Уйдешь, все пропадешь, что заработано; кажись, онъ человѣкъ добрый, и люди хвалять - останемся да поработаемъ, авось, не обидить. Пришелъ срокъ, надо распускать рабочихъ, а подрядчика нашего нѣть, пропалъ. Сняль онъ, вишь, работы съ торговъ, по планамъ, разсчитавъ по сваѣ и по кирпичику, а тутъ вышло не то: какъ пришлось къ дѣлу, анъ планы тѣ и не годятся; тутъ прибавить, тамъ убавить, тутъ на сводахъ сдѣлать, тамъ подъ буть сваи забить, - а всего этого по ряду и не было; онъ туда, сюда, хотѣль было откинуться - такъ не пускаютъ;

деньги-те усадиль, пошель просьбы писать да смазывать - и съль; вотъ онъ, сердечный, утопился ли, какъ сказывали, бѣжалъ ли куда, только что пропалъ, а мы съ однѣми руками да съ брюхомъ и остались. Покуда водили насъ, да допрашивали, да выдали паспорты, такъ послѣднія крохи и проѣли, и животики подобрались; срокъ паспортамъ вышелъ, гонять, ступай домой - вотъ я и пришелъ. Батюшка Иванъ Тимоѳеичъ, что хочешь, то надо мною и дѣлай.

Подумавъ немного, прикащикъ все-таки счель за нужное побранить Осипа и постращать его; тѣмъ болѣе, что и самъ онъ не оспориваль пользы этого, увѣряя, что народъ нынѣ все другъ на друга смотрять и что потачки нельзѧ давать никому. Но за тѣмъ Иванъ Тимоѳеичъ простиль Осипа, то есть не наказываль его, а велѣль приходить еще разъ за паспортомъ, обѣщавъ написать господамъ и просить ихъ, чтобы еще потерпѣли до слѣдующаго года: «а коли тогда не внесешь, то ужъ не прогнѣвайся, будеть плохо: либо съ тягla ссажу тебя да

въ работу пошлю, либо лобъ забрѣемъ.
Дальше дѣлать съ тобой нечего.»

Осипъ провель дома, въ семьѣ, нѣсколько недѣль довольно спокойно, готовясь опять въ путь: «за одинъ-то годъ - говорилъ онъ - Богъ дастъ, какъ нибудь уплачу я оброкъ, а ужъ за два - хоть разопнутъся, такъ не добудешь, обѣ этомъ и думать нечего. А что будеть со мной, какъ и на тотъ годъ приду, хоть не то, что какъ нынѣ, да съ недоимкой? А что жъ будетъ - будетъ, что Богу угодно. Власть Его святая.»

Пришло время отправленія, и Осипъ, получивъ паспортъ свой и строгое повтореніе добрыхъ совѣтовъ и наказовъ, отправился. Всю дорогу раскидывалъ онъ на умахъ, какъ ему ухитриться, чтобы отбыть повинность съ недоимками и выйти хоть безъ поживы, да лишь бы самому быть живу. «Не до барыша - думалъ онъ про себя - была бы слава хороша....» а, между тѣмъ, и на умахъ у него концы съ концами не сходились. Онъ опять подумалъ: «власть Господня», и пошелъ дальше.

Проработавъ еще круглый годъ, не заболѣвъ ни разу и не посягая на спасеніе погибающихъ, Осипъ заработалъ и на этотъ разъ получиль отъ подрядчика долю свою сполна; но ея едва только доставало на уплату годичнаго оброка, потому что онъ принужденъ быль услать домой рублей семьдесятъ, частію на прокормъ семьи, а частію на помошь ей же, по полученной отпискѣ, что лошадка пала и работать нечѣмъ. Возвращаясь домой самъ-третей, съ двумя товарищами, онъ уже принимался разсчитывать на всѣ лады; но и тутъ и тамъ не хватало, потому что и тутъ и тамъ были долги, послѣ несчастнаго года. Горе стало больно опять одолѣвать нашего двоеданца; а когда его еще и товарищи обидѣли дорогой, напившись пьяными и поколотивъ его самъ-другъ за то, что онъ во весь путь не хотѣлъ поднести ни одной косушки, то онъ, крѣпко разбранившись съ ними, покинулъ ихъ хмѣльныхъ и пошелъ одинъ впередъ. «Что ближе изъ неминучей бѣды, то лучше - подумаль онъ - за горами только страсти живутъ.»

На другой день, когда завѣтная дума стала у него все больше и больше разыгрываться, онъ то упадаль духомъ, плачясь на судьбу свою, то опять придумывалъ средства, какъ бы пособить горю, то со спокойствіемъ и рѣшимостью шель встрѣтить свою участъ. Невольно пришло ему при этомъ на мысль, что-де есть же люди богатые, которымъ ничего не стоило бы подарить бѣдняку сто рублевъ, и бѣднякъ быль бы спасенъ. Вспомнилъ онъ также извѣстное въ томъ краю произшествіе, гдѣ крестьянинъ срѣзалъ чемоданъ у проѣзжающаго и нашелъ тамъ, кромѣ вещей, большую сумму денегъ, такъ, что разжился съ той поры, между тѣмъ, какъ прошло уже годовъ болѣе десятка и никто не дознался этого дѣла, и мужикъ живеть себѣ спокойно и богатѣть. «Стало быть, не раззориль же онъ того господина - продолжалъ онъ думать, выводя Богъ вѣсть изъ чего такое заключеніе - а опосля того онъ зарекся и сталъ мужикъ смирный и честный, не обижаетъ никого.... А пошель

онъ на это дѣло, можетъ статья, также не по своей волѣ, а по нуждѣ....»

Осипъ оглянулся, а за нимъ тянется по сыпучему песку рыданъ осмерикомъ. Клячъ напутано много, но толку мало: пески по ступицу. Рыданъ поровнялся съ Осипомъ. Время холодное, все кругомъ запутано, а на запяткахъ привязанъ, будто для соблазна, чемоданище, съ замкомъ, продѣтымъ въ ременную мочку. Съ четверть часа Осипъ шелъ рядомъ съ каретой, поглядывая то на ямщика и лошадей, то на чемоданъ, въ которомъ, надо быть, набиты все одни деньги. Были сумерки, лѣсь по обѣ стороны дороги тянулся вплоть, и Осипъ подумалъ: «если бъ кто стала срѣзывать чемоданъ этотъ, и даже воришку замѣтили бы съ козель, то ему легко, по первому крику, соскочить и уйти въ лѣсъ.... а принести-то мнѣ нечего барину, въ контору, то есть, хоть и всѣ отдать, такъ все недочеть великъ; а дома-то что будетъ?»

Осипъ оглянулся - онъ шелъ слѣдомъ за каретой - никого нѣтъ, все пусто. Онъ

присѣль на запятки, думая: хотя доѣду, все легче будетъ.... а, между тѣмъ, ощупывая кругомъ чемоданъ и видя, что онъ только припутанъ веревкой, Осипъ досталъ изъ-за пояса топоръ свой и продолжалъ думать: «вотъ какъ бары-то безъ оглядки ъздятъ - видно, много у нихъ лишняго добра - долго ль до грѣха, вотъ, вѣдь, только подрѣзать веревку и своротилъ его долой, пожалуй и самъ упадеть, какъ гдѣ тряхнеть на кочкѣ....» Думая это, онъ уже подрѣзалъ веревки, о которыхъ говорилъ, сбросилъ чемоданъ на землю, а самъ стоялъ передъ нимъ въ какомъ-то страхѣ и недоумѣніи, оглядываясь во всѣ стороны. Онъ почти уже хотѣлъ кричать вслѣдъ за рыданомъ, чтобы взяли потерянный чемоданъ, но у него затянуло гортань, такъ что онъ съ трудомъ только дышалъ, а говорить не могъ.

«Что будешь дѣлать - сказалъ Осипъ, надумавшись - стало быть такая судьба моя; тутъ мудровать нечего: взяль чемоданъ за ухо и потащилъ его черезъ канавку, въ сторону.» Уже порядочно

смеркалось, а потому Осипъ далеко въ лѣсь не забирался, а расположился на опушкѣ и, взрѣзывъ кожу, началъ перебирать вещи, доискиваясь денегъ. Долго перерывалъ онъ бѣлье, книжки, платья, одѣяла и проч. и никакъ не могъ понять, куда эти деньги дѣвались. Перебравъ все по ниточкѣ и убѣдясь наконецъ, что денегъ нѣть, онъ всталъ, поглядѣлъ вокругъ себя и опять на добычу свою и, горемычно почесывая затылокъ, теперь только сталъ раздумывать, какъ же ему быть и куда съ вещами дѣваться. Во первыхъ, онъ чемодана не донесеть на себѣ; во вторыхъ, еслибы и донесъ или выбралъ что есть получше изъ вещей, такъ неминуемо съ ними попадется, потому что на слѣдующей же станціи проѣзжающіе, безъ сомнѣнія, объявятъ о пропажѣ, а село наше оттуда всего двадцать верстъ. «Эка притча - подумалъ онъ - эко грѣхъ попуталъ! Догнать было ихъ да сказать, что нашелъ, такъ не догонишь теперь, да и не повѣрять: веревки обрѣзаны, попадешься и не раздѣлаешься....» Осипъ плонуль,

прокляль соблазнителя своего, перекрестился и пошелъ скорыми шагами впередъ, бросивъ чемоданъ и вещи на произволъ судьбы.

Между тѣмъ, двое товарищѣй его, съ которыми онъ поссорился, покинувъ ихъ назади, проспались, протрезвились и, торопясь домой, къ разсвѣту пришли на мамаево побоище, какъ они его называли, на то мѣсто, гдѣ лежали распоротый чемоданъ и разбросанныя вещи. Они также шли сторонкой, тропой, и потому прямо наткнулись на осипову безпутную работу. «Это что, парень, гляди-ка!» - поглядѣли сперва, оробѣли было немного, полагая, что тутъ былъ разбой и убійство, но, разобравъ и догадавшись вскорѣ, въ чёмъ дѣло, разсудили, что, чѣмъ добру этому пропадать тутъ даромъ, такъ лучше его забрать.

- Весь чемоданъ съ собой тащить опасно, сказалъ одинъ; - а мы, братъ, Серега, разберемъ-ка лучше по рукамъ, что есть получше, да, завернувъ во что нибудь, привѣсимъ себѣ замѣсть котомокъ, и

пойдемъ: гляди-ка ты, что добра тутъ! Это вотъ, вишь, бѣлье все тонкое, хорошее, - и платье тожъ; придемъ домой, спрячемъ, а опосля продадимъ.

- Разумѣется, сказалъ другой: - намъ что, мы ни въ чемъ не причастны, безъ грѣха: намъ Богъ послалъ; а это чья работа - мы не вѣдаемъ.

Но едва успѣли они подойти къ ближайшей деревнѣ, гдѣ была станція, какъ ихъ обоихъ обступили, потому что тутъ уже стерегли, не покажется ли какой нибудь подозрительный человѣкъ. Туда-сюда, стали ихъ ощупывать, осматривать, нашли у одного въ карманѣ шелковый платочекъ и принялись развязывать котомки. Тутъ дѣваться было уже некуда: бѣдняки мои пали въ ноги и стали божиться и заклинаться, что они не воры, а находчики. Ихъ связали и отправили, вмѣстѣ съ найденнымъ по ихъ же указанію чемоданомъ, въ судъ.

Осипъ пришелъ домой, поздоровался съ хозяйкой и ребятишками, рассказывалъ немного, былъ какъ-то молчаливъ и угрюмъ

и поминаль нѣсколько разъ бѣду свою, что не знать, какъ и съ чѣмъ завтра показаться въ контору. Ему на другой день будто не здоровилось, и онъ просидѣлъ дома. Къ вечеру въ этотъ же день пришла на село вѣсть, что Серега съ товарищемъ попались вотъ по какому дѣлу; что видно-де лукавый попуталъ и хоть жаль ребять, а пропадать имъ не миновать: добра въ чемоданѣ было на большія деньги. Чего доброго - сошлютъ.

Осипъ какъ будто этого и ждалъ: какъ только у него въ сосѣдствѣ раздался вой серегиной хозяйки, которая вышла нарочно для этого на улицу, заламывала руки и причитывала, то Осипъ всталъ, попросиль прощенья у жены своей, которая не могла понять, что это значитъ, благословилъ ребятишекъ и пошелъ въ контору.

- Здравствуйте, батюшка, Иванъ Тимоѳеичъ, сказалъ онъ: - много благодаренъ милости барской и вашей, что не раззоряли вы меня, а ждали оброкъ съ меня третій годъ. Что Богъ далъ, я принесъ, вотъ все до копѣйки, не оставилъ

дома ни гроша. Только вотъ что, Иванъ Тимоѳеичъ, вы извольте поскорѣе отправить меня въ судъ. Хоть Серега со Степаномъ обидѣли меня больно, побили задаромъ, да ужъ за это Богъ ихъ простить, а напраслины имъ терпѣть нельзя: чемоданъ-то я срѣзаль сдуру у проѣзжихъ, вотъ и топоръ мой, имъ и веревки обрѣзаль, да опосля бросиль, не взялъ ничего; а они ни въ чемъ не виноваты, они пришли на готовое. Такъ ужъ простите, батюшка Иванъ Тимоѳеичъ, вы меня грѣшнаго, продолжаль Осипъ, повалясь въ ноги: - что и васъ, то есть и барина я этимъ изобидѣль; а меня прикажите вести въ судъ: видно, судьба моя такая.